

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.3.91:323.28
DOI: 10.14529/law260101

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, ЦЕЛЯХ И ТЕНДЕНЦИЯХ

Е. В. Никитин^{1,2}, nikitinev@susu.ru

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

²Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования экологической повестки для снижения экономического потенциала Российской Федерации и подрыва ее национальной безопасности. В ходе исследования автор обращается к обзору понятий «экологический активизм», «экологический терроризм», «экологический экстремизм», используемых в современной научной литературе, на основе проведенного исследования приводится авторская формулировка понятия «экологический экстремизм». В статье обосновывается идея о том, что активность и распространенность радикальных экологических организаций не случайны и используются для целей нанесения вреда экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: экологический экстремизм, охрана окружающей среды, экологическая преступность, экологический терроризм, диверсионная деятельность.

Для цитирования: Никитин Е. В. Экологический экстремизм: к вопросу о понятии, целях и тенденциях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26. № 1. С. 7–14. DOI: 10.14529/law260101.

Original article
DOI: 10.14529/law260101

ECOLOGICAL EXTREMISM: ON THE CONCEPT, GOALS, AND TENDENCIES

E. V. Nikitin^{1,2}, nikitinev@susu.ru

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

²Russian State University of Justice, Ural Branch, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article examines the problem of using the environmental agenda to reduce the economic potential of the Russian Federation and undermine its national security. In the course of the research, the author reviews the concepts of "environmental activism", "environmental terrorism", and "environmental extremism" used in modern scientific literature. Based on the research, the author's formulation of the concept of "environmental extremism" is given. The article substantiates the idea that the activity and prevalence of radical environmental organizations are not accidental and are used for the purpose of harming the economic security of the Russian Federation.

Keywords: environmental extremism, environmental protection, environmental crime, environmental terrorism, sabotage activities.

For citation: Nikitin E. V. Ecological extremism: on the concept, goals, and tendencie. Bulletin of the South Ural State University. Series "Law". 2026. vol. 26. no. 1. pp. 7–14. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260101.

Обеспокоенность людей состоянием окружающей среды, естественная и понятная, привела к появлению общественных движений, объединяющих экологических активи-

стов. В начале своей деятельности «зеленые» использовали законные методы для воздействия на улучшение экологической ситуации, такие как, обращения в государственные

структуры, публикации в средствах массовых информации, согласованные митинги и пикеты и т.п. Такая их активность в целом положительно оценивалась гражданским обществом и воспринималась как «борьба за святое дело». Однако со временем экологические активисты стали использовать противозаконные методы борьбы за окружающую среду и трансформировались в организации, представляющие опасность для безопасности личности, общества и государства. Для определения такой противоправной деятельности «зеленых» стали использовать собирательное понятие «экологический экстремизм».

Повышенная общественная опасность экологического экстремизма и актуальность для сегодняшнего дня отмечаются в научной литературе. Так, Н. И. Кузнецова и С. Ф. Милуков пишут: «Возникновение и распространение экологического экстремизма является тревожным сигналом. Он представляет собой вполне реальную, ощутимую угрозу общественной безопасности. Ее иллюстрацией являются многочисленные акции экологов в разных точках мира» [7, с. 217].

О. Л. Дубовик подчеркивает: акты экологического экстремизма широко известны: это нападения на научно-исследовательские центры с целью освобождения подопытных животных, угрозы и акты насилия в отношении научных работников, организация и проведение демонстраций, митингов, пикетов, информирование в СМИ и Интернете, иные действия; нередко они сопровождаются насилием и совмещены с незаконным проникновением в помещения, угрозами убийством и другими противоправными действиями, преследуемыми в соответствии с уголовным законом [4, с. 77].

В контексте изучения различных форм общественно опасной экологической активности граждан проблематика терминологической определенности понятия «экологический экстремизм» становится особенно актуальной. Применительно к общественной деятельности, связанной с охраной окружающей природной среды, в научном и публицистическом обороте используются такие различные, но связанные между собой понятия, как «экологический активизм», «экологический терроризм» и «экологический экстремизм». Для правильного и точного уяснения этих явлений требуются определение четких границ и формулировок этих понятий, а также уточнение

критериев разграничения их между собой.

Экологический активизм представляет собой общественные движения, выражающиеся в правомерных действиях граждан в защиту окружающей среды, в целях привлечения общественного внимания к актуальным (как они считают) экологическим проблемам. В соответствии со ст. 31 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, в том числе и по экологической повестке. Проведение экологических акций в указанных формах является конституционным правом граждан, которое не может быть ограничено, если не нарушаются процедура согласования таких мероприятий и общественный порядок. Кроме того, к проявлениям экологического активизма, на наш взгляд, относятся такие формы гражданской активности, как: подготовка онлайн-петиций по экологическим вопросам, привлечение внимания в блогосфере по экологическим проблемам, осуществление общественного экологического мониторинга и просвещения, пропаганда «зеленой» экономики и экопотребления, создание произведений экологического искусства (экоарт) и т.п.

Привлечение внимания к проблемам окружающей природной среды, возникающих из-за антропогенной деятельности человека, посредством экологического активизма является общественно полезным делом, является проявлением активной гражданской позиции и вносит весомый вклад в обеспечение экологической безопасности. Поэтому мы не согласны с точкой зрения А. А. Пирматовой, которая считает, что «фактор устрашения представлен в экологическом активизме в не свойственной для терроризма форме: его адресатами выступают, как правило, те же лица, на которых направлена специальная цель, – хозяйствующие субъекты, по мнению «зеленых», наносящие вред природной среде, или чиновники, поддерживающие, на взгляд экологических активистов, экономическое развитие в ущерб экологическим интересам... Экологический активизм не отличается и повышенной общественной опасностью, поскольку, как правило, действия «зеленых» угрожают только собственности, принося реальный вред или упущенную выгоду хозяйствующим субъектам, загрязняющим природную среду. В то же время от радикальных акций экологи-

ческих активистов могут страдать люди (например, при посягательствах на чиновников, лоббирующих не благоприятные для окружающей среды программы, руководителей компаний, проводящих опыты над животными, и т.п.), то есть в ряде случаев можно говорить о таком объекте уголовно-правовой охраны, как жизнь и здоровье, а значит, и о таком элементе, как насилие [8, с. 85].

В этом случае, на наш взгляд, наблюдается смешение понятий «экологический активизм» и «экологический экстремизм», и при вкладывании такого содержания в понятие «экологический активизм» возникнут проблемы при отграничении правомерной природоохранительной деятельности от противоправного «экологического экстремизма», признаки которого рассмотрим ниже.

Второй термин, требующий разъяснения, – экологический терроризм. В научной литературе существует большое количество точек зрения на содержание этого понятия.

Так, О. Л. Дубовик отмечает, что террористические акты, направленные против окружающей среды как базиса жизнедеятельности человека, немногочисленны. Можно говорить о поджоге нефтяных скважин Кувейта, об объявленной Басаевым цели рейда, завершившегося захватом заложников, но планируемого для уничтожения источников питьевого водоснабжения. Но можно и нужно ставить вопрос о том, не являются ли, например, акции фундаменталистов направленными на захват природных ресурсов как главной цели, а все остальные их действия – лишь средства и способы ее достижения. Иными словами, захват власти, устрашение, давление предназначены для завладения природными ресурсами и природными объектами, будь это нефть- и газодобывающие промыслы, месторождения других полезных ископаемых, водные объекты, земли [4, с. 76–77].

А. М. Архипов считает, что история развития криминализации форм терроризма в УК РФ свидетельствует об определенном прогрессе в части повышения внимания отечественного законодателя к опасным для окружающей среды терактам. Результат такого прогресса сегодня – дифференциация уголовной ответственности за совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источ-

ников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). Названный особо квалифицированный состав террористического акта выступает уголовно-правовым запретом для ряда проявлений экологического терроризма: посягательства на АЭС или химическое предприятие, совершения взрыва «грязной» бомбы, распыления вредного химического вещества в общественном месте и др. В то же время его нельзя назвать полноценной уголовно-правовой мерой противодействия экологическому терроризму, поскольку, во-первых, он не учитывает все вероятные экотеракты, а во-вторых, является уголовно-правовым запретом не только для экологически опосредованных терактов. Необходимо совершенствование российского уголовного закона для введения эффективного уголовно-правового запрета всех вероятных актов экотерроризма [2, с. 326–327].

Н. Н. Каратуева считает, что определение экологического терроризма, наряду с умышленным причинением вреда окружающей среде включает и противоправную деятельность «зеленых» активистов [5, с. 165].

На наш взгляд, такое широкое понимание экологического терроризма не позволяет отграничить это понятие от экологического экстремизма и включает в себя любую противоправную деятельность эоактивистов в том числе и с целью привлечения внимания общественности к проблемам охраны окружающей среды. Однако сущность терроризма связана с насилием и выражается в запугивании, устрашении населения и воздействии через это на принятие решений органами власти. В случае с экологическим терроризмом запугивание осуществляется через угрозу нанесения существенного вреда экосистеме, окружающей природной среде. Не думается, что это свойственно представителям зеленых организаций, для которых идеологически окружающая среда является «сакральным пространством». Поэтому мы согласны с утверждением А. А. Пирматовой о том, что необходимо различать экологический терроризм и экологический активизм как два абсолютно разных явления, а применение термина «экологический терроризм» для характеристики деятельности защитников окружающей среды недопустимо, поскольку, во-первых, деятельность «зеленых» в защиту природной среды не обладает

всеми существенными признаками экологического терроризма, во-вторых, применение термина «экологический терроризм» к акциям защитников окружающей среды инициировано искусственно, в-третьих, научная дефиниция экотерроризма (в общем виде) как формы терроризма, особенность которого заключается в опасном для экологии способе совершения терактов, более распространена [8, с. 86].

Нам близка позиция А. П. Алексеевой и А. П. Анисимова, которые считают, что экологический терроризм – одна из разновидностей преступлений террористического характера, имеющих целью устрашение населения и оказание давления на органы публичной власти путем посягательства на качественное состояние окружающей среды в целях негативного воздействия на жизнь, здоровье и имущество граждан посредством уничтожения (повреждения) необходимых для поддержания жизнеобеспечения населения технологических объектов, объектов использования атомной энергии (включая места хранения радиоактивных веществ и источников радиоактивного излучения), а также использования представляющих опасность для жизни и здоровья человека химических или биологических веществ [1, с. 54].

Если исходить из легального (содержащегося в законодательстве) определения понятия терроризма и террористической деятельности, то под экологическим терроризмом следует понимать практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения экоцидом и (или) иными формами противоправных действий, связанных с причинением существенного вреда окружающей среде.

Далее проанализируем тенденции и причины и сформулируем понятие смежного с экологическими активизмом и терроризмом явления, занимающего центральное место в нашем исследовании, а именно экологического экстремизма.

Как справедливо отмечает С. Ф. Милюков, несмотря на то, что экологический экстремизм является разновидностью общего экстремизма, он обладает специфическими особенностями, изучение которых позволяет прогнозировать дальнейшее развитие этого негативного социально-политического явления в будущем. Во-первых, особенностью

экологического экстремизма как разновидности девиантного (отклоняющегося) поведения является то, что он есть реакция на экологическую проблему, но в итоге сам становится опасным, превращается в проблему. Во-вторых, в основе лежат благие намерения оказать помощь окружающей среде, но итог оказывается неблагоприятным [7, с. 221].

Н. И. Кузнецова считает, что в условиях обострения экологических проблем, очевидного ухудшения состояния окружающей среды в структуре экстремизма все большее значение приобретает его разновидность – экстремизм экологический. Под таковым подразумевается деятельность, которая не наносит вреда окружающей среде, а, напротив, направлена на минимизацию причинения вреда природе. Однако в ее основе лежит гипертрофированное представление о роли и месте проблем экологии в жизни общества. Именно это и служит побудительным мотивом для практических действий, выходящих за рамки правового поля [6, с. 50].

В. С. Добышев акцентирует внимание на том, что экологический экстремизм базируется на разновидностях идеологий алармизма и эгоцентризма, главная идея которых – осуществление радикальных мер ради спасения человечества и природы. Проявление экологического экстремизма отражается как в деятельности экстремистов в виде радикальных методов достижения целей в экологическом конфликте, так и в распространении экстремистской идеологии и призывах к осуществлению радикальных способов борьбы в области экологической политики [3, с. 344].

На наш взгляд, под экологическим экстремизмом следует понимать общественно опасные противоправные действия, направленные на субъектов хозяйственной деятельности, представителей органов публичной власти или какой-либо социальной группы, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти, совершаемые на основе экстремистской экологической идеологии. Соответственно, экстремистскую экологическую идеологию необходимо рассматривать как совокупность взглядов и идей, пропагандирующих или оправдывающих насильственные и иные противоправные действия как основные или допустимые средства охраны окружающей среды и способы разрешения экологических конфликтов и противоречий.

Активность и распространенность радикальных экологических организаций, по нашему мнению, обусловлены тем, что их «экологические услуги» под видом «заботы об окружающей среде» активно используются совсем не для этого, а совершенно для других целей.

Во-первых, использование «зеленой» повестки в целом и активностей квази-экологических организаций имеет своей целью получение геоэкономического и геополитического конкурентного преимущества стран глобального запада над остальными странами.

Эта псевдоэкологическая деятельность не остается незамеченной и отмечается как в документах стратегического планирования Российской Федерации, так и экспертами в своих научных публикациях в качестве угрозы национальной безопасности. Так, в п. 16 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указано, что «повышенное внимание мирового сообщества к проблемам изменения климата и сохранения благоприятной окружающей среды используется в качестве предлога для ограничения доступа российских компаний к экспортным рынкам, сдерживания развития российской промышленности, установления контроля над транспортными маршрутами, воспрепятствования освоению Россией Арктики».

Н. И. Кузнецова и С. Ф. Милуков замечают, что «активизация экстремистских группировок «зеленого» толка в последнее время имеет под собой объективные причины. В свое время они были чрезвычайно востребованы частью европейских политиков и евробюрократов, так как активно помогали «продавливать» повестку глобального «энергоперехода» к возобновляемым источникам энергии» [7, с. 216].

А. А. Старцев срывает «экологическую вуаль» с предложения западных стран ввести карбоновый налог, отмечая, что интерес богатых стран состоит в том, чтобы направить свою давно обещанную помощь бедным странам преимущественно на сокращение выбросов углерода. Это якобы принесет этим странам в краткосрочной перспективе больше выгоды (в реальности «зеленые инвестиции» и экологические результаты проектов по внедрению низкоуглеродных технологий достанутся корпорациям развитых стран, которые этими технологиями владеют) [10, с. 96].

Во-вторых, деятельность экологических организаций может быть использована в целях подрыва экономической безопасности и торможения экономического развития Российской Федерации, то есть для скрытой диверсионной деятельности. Часто активность экологических организаций используется для препятствия реализации или затягивания важных национальных проектов, жизненно необходимых для развития и функционирования экономики и обеспечения безопасности Российской Федерации. Проиллюстрируем это утверждение примерами двух самых крупных стратегических, инфраструктурных, национальных проектов последних лет, таких как «Крымский мост» через Керченский пролив и магистральный газопровод «Северный поток-2».

При строительстве Крымского моста на Россию посыпались обвинения зарубежных экологов в нанесении ущерба экосистеме Керченского пролива. Безусловно, в связи с этим возникают разумные основания для сомнений в их заботе о сохранении биологического разнообразия Азовского моря; истинные их цель и задача, думается, в том, чтобы помешать социальной и хозяйственной интеграции Крымского полуострова с «большой» Россией.

Попытки блокировать строительство и эксплуатацию «Северного потока-2» (до его подрыва) систематически предпринимались «зелеными» стран Евросоюза. По мнению представителей Всемирного фонда дикой природы (WWF) и германского Союза защиты природы (NABU), «проект ведет в тупик с точки зрения климатической политики, представляет угрозу для уязвимой экосистемы Балтийского моря и вбивает клин в солидарность и доверие в ЕС». Позднее в 2020 году Немецкая экологическая организация Deutsche Umwelthilfe (DUH) потребовала в Высшем административном суде Грайфсвальда пересмотреть разрешение на эксплуатацию газопровода «Северный поток-2». На наш взгляд, не забота о природе, а лоббирование интересов компаний США, поставляющих СПГ в Европу, и разрыв взаимовыгодных экономических связей между Россией и Германией – истинные причины такой экологической активности.

В-третьих, целями экологических активистов (или «их кураторов») может быть противоправное воздействие на имущество, техни-

ку и персонал хозяйствующих субъектов, которые, по их мнению, наносят вред окружающей среде. Задачами этих организаций являются нанесение имущественного ущерба, запугивание работников предприятий и организаций для прекращения хозяйственной деятельности. Нередко такие акции совершаются по заказам конкурирующих предприятий или с целью вымогательства средств за их прекращение и поэтому не имеют никакого отношения к защите интересов окружающей среды и прав граждан.

Как отмечает А. А. Савин, видя, что мирные акции не приносят ожидаемых результатов, российские зеленые перешли к силовым методам, которые представляют серьезную угрозу экономической безопасности промышленных организаций. Под прикрытием общественного блага атаки на компании могут серьезно дестабилизировать работу компаний, а в ряде случаев просто ее парализовать [9, с. 100].

Приведем несколько примеров. В 2012 году экологическими активистами осуществлен поджог специальной строительной техники, принадлежащей Северной западной концессионной компании, которая занималась строительством скоростной трассы Москва – Санкт-Петербург. Строительство данной трассы, по мнению экоактивистов, наносит ущерб лесному массиву Подмосковья. Ущерб от противоправных действий защитников природы составил 50 млн рублей, в результате инцидента пострадал охранник.

В 2013 году другие последователи экологических движений совершили нападение на вахтовый поселок на никелевом месторождении под г. Воронежем, на котором поисково-оценочные работы вели геологи УГМК-холдинга. Холдинг, объединивший около 50 предприятий в горнодобывающей отрасли, цветной металлургии, машиностроении, а также в строительстве, сельском хозяйстве, подвергся атаке из-за возможной добычи цветных металлов около бассейна реки Хопер. Основной целью атакующих стали буровые, в результате чего две установки были подожжены, одна сгорела полностью, вторая сильно повреждена. Кроме того, был полностью сожжен автомобиль «Урал», сильно повреждена дизельная электростанция, огнем уничтожены контрольно-пропускной пункт и один вагончик с личными документами работников, повреждено семь автомобилей. Ин-

тересный факт – было разлито две бочки с машинным маслом, тем самым «экологами» был причинен ущерб почвам. С места погрома похищено значительное количество ручного инструмента. После поджога толпа нападавших блокировала прибытие к месту пожара пожарных машин – им преграждали работу в поле и заставляли сливать воду. По оценкам представителей УГМК, общая сумма ущерба составляет как минимум несколько десятков миллионов рублей.

В заключение подведем итоги. В некоторых источниках встречаются случаи употребления понятий «экологический терроризм», «экологический активизм» и «экологический экстремизм» как синонимичных и тождественных. Однако необходимо различать эти понятия, обозначающие три абсолютно разных явления экологической повестки. Экологический активизм представляет собой организованные общественные движения, выражающиеся в правомерных действиях граждан в защиту окружающей среды, в целях привлечения общественного внимания к актуальным экологическим проблемам для последующего их государственного решения. Под экологическим терроризмом следует понимать практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения экоцидом и (или) иными формами противоправных действий, связанных с причинением существенного вреда окружающей среде. Экологический экстремизм представляет собой общественно опасные противоправные действия, направленные на субъектов хозяйственной деятельности, представителей органов публичной власти или какой-либо социальной группы, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти, совершаемые на основе экстремисткой экологической идеологии.

Особую общественную опасность представляет экологический экстремизм, так как проблема использования экологической повестки для снижения экономического потенциала Российской Федерации и подрыва ее экономической безопасности представляет реальную угрозу. Активность и распространенность радикальных экологических организаций не случайны и под предлогом защиты окружающей среды используются для целей нанесения вреда экономической безопасности

Российской Федерации и субъектов хозяйственной деятельности и другой противоправной деятельности. Настало время системного

противодействия радикализации экологических организаций как инструменту подрыва национальной безопасности Российской Федерации.

Список источников

1. Алексеева А. П., Анисимов А. П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2. С. 54–58.
2. Архипов А. М. Экологический терроризм как вызов глобальной экологической безопасности // Экономика, право, образование: региональный аспект: сборник научных трудов IX межвузовской научно-практической конференции. М., 2015. С. 321–332.
3. Добышев В. С. Социологический анализ феномена «экологический экстремизм» в современном обществе // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник материалов научно-практической конференции. Оренбург, 2022. С. 341–345.
4. Дубовик О. Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica (Русский закон). 2018. № 9. С. 75–90.
5. Каратуева Е. Н. Радикализм экологических организаций – новая угроза обществу // Ломоносовские научные чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 163–167.
6. Кузнецова Н. И. Экологический экстремизм как разновидность деструктивного поведения // Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде: сборник материалов научно-практической конференции. М., 2025. С. 49–53.
7. Кузнецова Н. И., Милоков С. Ф. Экологический экстремизм как разновидность девиантного поведения // Право: история и современность. 2023. Т. 7. № 2. С. 212–224.
8. Пирматова А. А. К вопросу о дифференциации «экологического терроризма» и «экологического активизма» // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 83–86.
9. Савин А. В. Экологический экстремизм как новый вызов экономической безопасности промышленных организаций в России // Вестник университета. 2016. № 6. С. 98–102.
10. Старцев А. А. Экологический активизм vs экологический экстремизм // Профилактика экстремизма в системе образования: сборник материалов Координационного центра по повышению эффективности формирования у молодежи активной гражданской позиции, противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Грозный, 2021. С. 92–102.

References

1. Alekseeva A. P., Anisimov A. P. ["Ecological terrorism" and "ecological radicalism" in the doctrine and legislation of Russia: differentiation of concepts]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2, pp. 54–58. (in Russ.)
2. Arkhipov A. M. *Ekologicheskyy terrorizm kak vyzov global'noy ekologicheskoy bezopasnosti* [Environmental terrorism as a challenge to global environmental security]. *Ekonomika, pravo, obrazovanie: regional'nyy aspekt: sbornik nauchnykh trudov IX mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Economics, law, education: a regional aspect. Collection of scientific papers of the IX interuniversity scientific and practical conference]. Moscow, 2015, pp. 321–332. (in Russ.)
3. Dobyshev V. S. *Sotsiologicheskyy analiz fenomena «ekologicheskyy ekstremizm» v sovremennom obshchestve* [A sociological analysis of the phenomenon of "environmental extremism" in modern society]. *Sotsial'no-gumanitarnye innovatsii: strategii fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Socio-humanitarian innovations: strategies of fundamental and applied scientific research. Collection of materials of the scientific and practical conference]. Orenburg, 2022. pp. 341–345. (in Russ.)

4. Dubovik O. L. [Criminological and criminal law prerequisites for combating environmental terrorism and environmental extremism in Russia]. *Lex russica (Russkiy zakon) [Lex russica (Russian Law)]*, 2018, no. 9. pp. 75–90. (in Russ.)

5. Karatueva E. N. *Radikalizm ekologicheskikh organizatsiy – novaya ugroza obshchestvu* [Radicalism of environmental organizations is a new threat to society]. *Lomonosovskie nauchnye chteniya. Aktual'nye voprosy fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy: sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Lomonosov Scientific Readings. Current issues of fundamental and applied research. Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference]*. Petrozavodsk, 2022, pp. 163–167. (in Russ.)

6. Kuznetsova N. I. *Ekologicheskiy ekstremizm kak raznovidnost' destruktivnogo povedeniya* [Environmental extremism as a type of destructive behavior]. *Organizatsiya raboty po preduprezhdeniyu destruktivnoy ideologii v podrostkovoy srede: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii [Organization of work on the prevention of destructive ideology in the adolescent environment. Collection of materials of the scientific and practical conference]*. Moscow, 2025, pp. 49–53. (in Russ.)

7. Kuznetsova N. I., Milyukov S. F. [Environmental extremism as a type of deviant behavior]. *Ekologicheskiy ekstremizm kak raznovidnost' deviantnogo povedeniya // Pravo: istoriya i sovremennost' [Law: history and modernity]*, 2023, Vol. 7, no. 2, pp. 212–224. (in Russ.)

8. Pirmatova A. A. [On the issue of differentiation of "ecological terrorism" and "ecological activism"]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and the State: theory and practice]*, 2021, no. 6, pp. 83–86. (in Russ.)

9. Savin A. V. [Environmental extremism as a new challenge to the economic security of industrial organizations in Russia]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*, 2016, no. 6. pp. 98–102. (in Russ.)

10. Startsev A. A. *Ekologicheskiy aktivizm vs ekologicheskiy ekstremizm* [Environmental activism vs environmental extremism]. *Profilaktika ekstremizma v sisteme obrazovaniya: sbornik materialov Koordinatsionnogo tsentra po povysheniyu effektivnosti formirovaniya u molodezhi aktivnoy grazhdanskoj pozitsii, protivodeystviya ideologii terrorizma i ekstremizma [Prevention of extremism in the education system. Collection of materials of the Coordination Center for improving the effectiveness of forming an active civic position among young people, countering the ideology of terrorism and extremism]*. Groznyy, 2021, pp. 92–102. (in Russ.)

Информация об авторе

Никитин Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности, Южно-Уральский государственный университет; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Evgeny V. Nikitin, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of Department of law enforcement and national security, South Ural State University; Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian State University of Justice, Ural Branch, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 6 октября 2025 г.

Received October 6, 2025.